К причинам внеязыкового характера относится происходившая еще на эллинистической почве контаминация сказаний о различных героях греческого и восточного пантеонов или контаминация сказаний о разных героях внутри самого греческого (греко-римского) пантеона.

В эллинистическую эпоху вообще, и в Римской дохристианской империи в частности, параллельно введению культа новых, в основном восточных богов наблюдалось стремление к отождествлению этих богов с богами и героями собственного пантеона. Такое отождествление имело в ту эпоху важное культурно-политическое значение. Стремление к унификации различных местных богов и героев, к сужению пантеона особенно усиливается в эпоху императоров.

Результаты всех этих сложных и долгих процессов нашли отражение в позднеэллинистических сказаниях, а через них и в византийской литературе. Так, например, должен был существовать какой-то цикл сказаний, в которых произошла контаминация образов греческой богини-матери Реи и легендарной восточной царицы Семирамиды.

Уже для Малалы Семирамида-Рея одно и то же лицо. В таком соотношении эти имена и связанные с ними легенды перешли в славянский перевод. Так, в I книге читаем, что Нин, построивший город Ниневию, «царствуеть пръвее в немъ с Семирамьею, яже и Ерея нарицается, мати ему и жена» (I, 15) (ἔχων τὴν Σεμίραμιν τὴν καὶ Ρέαν τὴν ἑαυτοῦ γυναῖκα καὶ μητέρα μεθ' ἑαυτοῦ).

Образ Гермеса совпал с образом фавна. В Хронике он постоянно называется обоими этими именами: «Име же Пикъ еже и Зеоусъ сына, именем Фаоуна, его же Ерминъ, или Ермисъ, нарече» (I, 16) (ὀνόματι Φαῦνον ὃν καὶ Ἑρμῆν ἐκάλεσεν). «По смерти же Дыеве царствова сын его Фаоунъ в Италии еже есть Ермии» (I, 17) (ἐβασίλευσεν ὁ αὐτοῦ Φαῦνος ὁ καὶ Ἑρμῆς). Того же происхождения и одно из имен Зевса — Пик.

Второе имя могло появиться и в результате особенностей понимания и толкования греческого текста переводчиком. Так, греческое: φράσον μοι πυρισθενές, ἀψευδές, μάκαρ ὁ τὸν αἰθέριον μετεγκλίνων δρόμον (Б, 25) переведено следующим образом: «Повежь ми, лживый[5] боже, Перисфоне, рекше Солнце, иже по въздушному пути течеши сияяся» (II, 466). Вторая часть греческого предложения навела переводчика на мысль, что это бог солнца, идущий по воздушному пути (откуда в русских списках глосса «рекше Солнце»), а Перисфон — одно из его имен.

В мифологическом слое античной лексики славянского Малалы особенно нужно выделить имена, имеющие в переводе параллели в виде славянских языческих эквивалентов. Это имена греческих богов, осмысленные переводчиком (переписчиком) как иноязычные имена известных ему представителей славянского языческого пантеона.

Этот вид лексики по объему составляет наименьшую часть мифологического слоя, но по ценности содержащихся в нем сведений и по его значению может быть выдвинут на первое место.

Антично-славянские мифологические параллели интересны для истории славянского, и прежде всего восточнославянского, язычества, а также для характеристики отношения к нему в первые века распространения на Руси византийско-христианской культуры.

Соответствующие имена греческих богов либо сопровождаются в славянском переводе пояснительными глоссами, либо сразу заменяются славянским эквивалентом. «По умертвии же Феостове его же и Сварога

---

[5] В некоторых рукописях «нелживый».